

МЕСТНЫЕ УРОЖЕНЦЫ И МИГРАНТЫ В СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И БАШКОРТОСТАНА

Ахметова Г. Ф.

*Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа,
Россия.*

E-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7

Для цитирования: Ахметова Г. Ф. Местные уроженцы и мигранты в структуре населения России и Башкортостана // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 86–95. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7

Аннотация. Автором на основе данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также микропереписи 2015 г. рассматривается динамика структуры городского и сельского населения России и Башкортостана по представленности в ней двух категорий жителей: «немигрантов» – местных уроженцев, проживающих в месте постоянного жительства безвыездно, и мигрантов – тех, кто проживает с определенного времени, среди которых представлены и местные уроженцы с миграционным опытом. Сравнительный анализ данных переписей позволил выявить тенденции миграционной подвижности населения России и Башкортостана в первые полтора десятилетия нынешнего столетия. Итоги переписи 2002 г. показали доминирование «немигрантов» в составе городского и сельского населения как в целом по стране, так и по Башкортостану. В республике они были представлены больше, чем в России. Активизация миграционных процессов в последующие годы привела к обратному соотношению разных категорий населения в 2010 г. – преобладанию мигрантов и снижению удельного веса местных уроженцев, проживающих безвыездно. В этот период усилились миграционные потоки не только в город, но и в сельскую местность, что сказалось и на более высокой представленности сельских мигрантов. Через пять лет данные микропереписи 2015 г. приблизили структуру населения к ситуации 2002 г. – доминированию местных уроженцев, что в определенной степени говорит о снижении миграционной подвижности населения. На это указывают и результаты репрезентативных социологических исследований как в целом по стране, так и по Республике Башкортостан. В то же время на итоги микропереписи могли повлиять причины организационно-методического характера, связанные с разными подходами в учете наиболее мобильных категорий населения. В основном общая тенденция изменения структуры населения между 2002 и 2015 гг. характеризуется меньшей представленностью мигрантов и большей местных уроженцев в Башкортостане по сравнению с Россией в начале рассматриваемого периода и выравниванием республиканских и общероссийских показателей к 2015 г. В определенной степени это может быть связано с тем, что снижение миграционной подвижности населения в республике было не столь интенсивным как в целом по стране. Предстоящая перепись населения даст возможность получить более полную картину о характере изменений в генетической структуре населения в течение последнего десятилетия.

Ключевые слова: структура населения, местные уроженцы, мигранты, миграционная подвижность, перепись населения.

Введение

Важными источниками для исследования миграционных процессов являются материалы переписей населения. Показательно, что именно на основе их анализа были сформулированы первые концептуальные подходы в изучении миграции, определены закономерности миграционных процессов – так называемые «законы миграции» Г. Равенштейна, основанные на данных переписи населения Великобритании 1841 г. [Grigg, 1977].

Несмотря на определенные методологические трудности в сопоставлении данных за длительный период, материалы переписей дают возможность проследить интенсивность, направленность миграционных потоков, уровень миграционной подвижности населения отдельных территорий. Результаты таких исследований и методология их использования нашли отражение в работах отечественных ученых.

Значение материалов переписей как важного источника для анализа миграционных процессов подчеркивал Переведенцев В. И., отмечая, что их сопоставление

с данными текущей статистики позволяет более полно описывать причинно-следственные зависимости миграционных процессов [Переведенцев, 1975: 48].

О важной роли материалов переписей писала Моисеенко В. М., указывая, что только эти источники позволяют исследовать состав населения по двум категориям – мигрантам и «немигрантам» в сочетании с самыми различными социально-демографическими признаками [Моисеенко, 1997: 30].

В этом контексте Рыбаковский Л. Л. обращался к понятию генетической структуры населения, содержание которой он раскрыл следующим образом: «...как в районах выхода переселенцев, так и в местах их вселения население состоит из различных по генезису частей. Их совокупность образует генетическую структуру. В ней, прежде всего, выделяется коренное и пришлое население, в свою очередь то и другое состоит из местных уроженцев и уроженцев других мест, а последние распределяются в зависимости от срока пребывания в местах вселения на новоселов и старожилов. Такое деление является основой для оценки уровня стабильности населения той или иной местности» [Рыбаковский, 2019: 466].

В научной литературе существуют разные подходы к определению этих категорий населения. С точки зрения этногенетических процессов коренными жителями, как правило, называют автохтонное, аборигенное население, которое проживает на своей территории издревле, испокон веку, в отличие от пришлого, прибывшего и осевшего позже [Этнология, 2005: 8]. В то же время в контексте исследования социальных, демографических, миграционных процессов понятие «коренное население» рассматривается иначе – с позиции рождения на исследуемой территории в границах одного-трех поколений. В частности, к коренным жителям Зайончковская Ж. А. и Переведенцев В. И. относили тех, кто родился в данной местности, т. е. местных уроженцев [Зайончковская, 1965; Рыбаковский, 2019].

К новоселам относят лиц, переселившихся и проживших на новом месте жительства менее десяти лет; к старожилам – более указанного периода [Демографическая энциклопедия, 2013: 536; Рыбаковский, 2019: 304]. В то же время при анализе проблем приживаемости новоселов часто рассматривается период в два и менее года [Топилин, 2018: 30].

В работах советского и постсоветского периода показатель представленности разных категорий населения в зависимости от миграционного опыта и длительности проживания активно использовался при анализе миграционных процессов на основе материалов переписей.

Переведенцевым В. И. при исследовании миграционных процессов в Западной Сибири было определено соотношение местного и прибывшего населения в крае, темпы миграционного прироста в разные десятилетия. В частности, он выявил, что в 1939–1959 гг., несмотря на значительный, почти вдвое превышающий по стране в целом, общий прирост населения, в Западной Сибири миграция не имела положительных значений. [Переведенцев, 1965: 10].

Особенно высоко ученым, как и другими советскими исследователями, оценивалась перепись 1926 г., в которой вопросы по миграции, по его мнению, были представлены намного полнее, чем в переписи 1970 г., куда они были включены после длительного перерыва 1939 и 1959 гг. [Переведенцев, 1975: 48].

Подробный анализ структуры населения России, в т. ч. Дальнего Востока, через выделение в ее составе разных категорий населения был проведен Рыбаковским Л. Л. Эти вопросы ученым рассматривались через призму третьей стадии миграционного

процесса, содержанием которой является приживаемость новоселов. Исследователем проанализирована динамика миграционной активности населения в советский период. Он отмечал, что процессы индустриализации, Великая Отечественная война внесли существенные изменения в соотношение между местными уроженцами и мигрантами [Рыбаковский, 2019: 457].

Анализ данных переписи 1926 г. позволил Рыбаковскому Л. Л. выявить тенденцию существенного сокращения в населении доли местных уроженцев, которая на Дальнем Востоке была значительно меньше, чем в Центрально-Черноземном регионе. [Рыбаковский, 2019: 456].

Динамику соотношения этих категорий населения в экономических районах страны, а также в городе и на селе в течение четырех десятилетий, охвативших конец и начало двух столетий (с 1970 г. по 2010 г.), рассмотрели Топилин А. В., Воробьева О. Д. и др. В частности, они выявили разные темпы прироста новоселов в отдельные межпереписные периоды: значительный их рост к 1979 г., особенно в азиатской части страны, и снижение прироста – к 1989 г. Ученые отметили существенные колебания доли мигрантов между переписями 1989, 2002, 2010 гг.: значительное их снижение к 2002 г. и рост к 2010 г. [Топилин, 2016: 31, 32, 34].

Подробный анализ социально-демографической структуры мигрантов в общероссийском и региональном аспектах проведен на основе данных микропереписи 2015 г. учеными Института демографии НИУ ВШЭ. Авторы, рассматривая представленность накопленных мигрантов в разных возрастных, гендерных, социально-территориальных группах, отмечают наибольший их рост к 24-м годам, относительно большую миграционную активность мужского населения по сравнению с женским и сельского – по сравнению с городским. Ученые указывают, что наличие факторов, сдерживающих миграцию населения (жилищные проблемы, трудности с пропиской и другие), способствуют относительно большей представленности лиц без миграционного опыта [Карачурина и др., 2018: 394–399].

Российскими учеными проводится анализ материалов переписей населения при исследовании миграционных процессов не только в России, но и в зарубежных странах. Так, Абылкаликов С. И. на основе выделения категории «пожизненных мигрантов» (лиц, у которых по материалам переписей не совпадают место рождения и жительства) рассматривает особенности внутренних миграций в разных странах – Венесуэле, Индии, США, а также объемы миграции в Россию из стран постсоветского пространства [Абылкаликов, 2015, 2016].

Для анализа генетической структуры населения исследователи обращаются и к социологическим данным. Например, Максимовой А. С. на основе результатов лонгитюдного исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проанализирована генетическая (генезисная) структура населения России с 1998 по 2018 г. Автором сделаны выводы о росте доли местных уроженцев в течение рассматриваемого периода, о тенденции снижения миграционной подвижности населения России в последние годы [Максимова, 2021].

Таким образом, в перечисленных и других работах отечественных ученых показатель представленности разных категорий населения широко используется при анализе интенсивности и характера миграционных процессов на определенных территориях. Однако отсутствие вопросов о месте рождения и длительности проживания в определенные годы проведения переписей ограничивает возможности науч-

ного анализа этих данных за длительной период. Как дополнительный источник в этом отношении могут служить результаты социологических исследований.

Источники и методы

В статье проводится сравнительный анализ динамики изменения структуры населения России и Башкортостана – одного из крупных по численности населения российских регионов, в первые полтора десятилетия XXI в. в зависимости от представленности двух категорий жителей. К первым относятся лица, проживающие в месте постоянного жительства с рождения, безвыездно, и не имеющие миграционного опыта; ко вторым – лица, которые родились и прибыли из других территорий, а также местные уроженцы, проживающие в месте своего рождения с перерывами и имеющие миграционный опыт. Первую категорию мы будем обозначать как «местных уроженцев» или «немигрантов», вторую – как «мигрантов».

Эмпирическую базу исследования составили материалы всероссийских переписей населения 2002¹ и 2010 гг.², а также микропереписи 2015 г.³ по России и Республике Башкортостан. В указанные годы в переписных листах были сформулированы вопросы о месте рождения, продолжительности проживания, предыдущем месте жительства, что дает возможность выявить разные категории жителей в составе населения в зависимости от миграционного опыта.

Автором в качестве дополнительного источника используются данные репрезентативных социологических исследований, проведенных в Республике Башкортостан в 2007 и 2015 гг.⁴

Результаты анализа

По итогам переписи 2002 г. разница в соотношении разных категорий населения была в пользу местных уроженцев. Не имели миграционного опыта и проживали в своих населенных пунктах с рождения около 78 млн жителей страны или 55%; имели миграционный опыт около 62 млн – 43,6%. Доля мигрантов была больше в населении городов (45,1%), чем сел (39,6%), так как города – это место притяжения мигрантов, и преимущественно – из сел (см. табл.1).

В Республике Башкортостан итоги переписи 2002 г. также показали доминирование лиц, никогда не менявших место жительства. Однако их было значительно

¹ Всероссийская перепись населения 2002 года [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 16.12.2020).

² Том 1. Численность и размещение населения // Всероссийская перепись населения 2010 [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.12.2020).

³ Итоги микропереписи населения // Микроперепись населения 2015 [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 16.12.2020).

⁴ Социологические исследования: «Демографическое развитие Республики Башкортостан», 2007 г., объем выборки – 1000 человек; 2) «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года», 2015 г., объем выборки – 6264 человек. Выборка вероятностная, стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономической зоне РБ с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Метод исследования: личное интервью по месту жительства респондентов. Организатор исследований: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (ранее – Институт социально-политических исследований РБ) и Башкирский филиал Института социологии ФНИСЦ РАН в 2015 г.

больше, чем в целом по России – примерно две трети всего населения республики: 62% или 2,5 млн человек. Соответственно, мигрантов в республике было меньше, чем по стране – 38% или 1,5 млн человек. В городской местности Башкортостана их доля была больше (43%) как в среднем по республике, так и по сельской местности (29%) (см. табл.2).

Таблица 1.

Соотношение местных уроженцев и мигрантов в населении России (по материалам переписей 2002, 2010 гг. и микропереписи 2015 г.)

Table 1.

The ratio of local natives and migrants in the population of Russia (based on the data of the censuses of 2002, 2010 and the micro-census of 2015)

	Все население		Городское		Сельское	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%
2002 г.						
Все население, в т.ч. проживают	141 684 498	100	104 215 242	100,0	37 469 256	100
Непрерывно с рождения	77 910 485	55,0	55 425 415	53,2	22 485 070	60
Не с рождения	61 843 409	43,6	47 002 998	45,1	14 840 411	39,6
Не указали	1 930 604	1,4	1 786 829	1,7	143775	0,4
2010 г.						
Все население, в т.ч. проживают	140960073	100	103 940 950	100	37 019 123	100
Непрерывно с рождения	62 586 256	44,4	47 901 907	46,0	14 684 349	39,7
Не с рождения	72 741 028	51,6	50 847 183	49,0	21 893 845	59,1
Не указали	5632789	4,0	5191860	5,0	440 929	1,2
2015 г.						
Все население, в т.ч. проживают	2 154 254	100	1 414 547	100	739 707	100
Непрерывно с рождения	1 231 502	57,2	849 479	60,0	382 023	51,6
Не с рождения	909 784	42,2	554 173	39,2	355 611	48,0
Не указали	12968	0,6	10 895	0,8	2 073	0,4

Меньшую представленность мигрантов в составе жителей Башкортостана можно объяснить относительно низкой миграционной подвижностью населения, чем в России; большей направленностью миграционных потоков в города и низкой – в села.

В течение следующих лет происходило усиление миграционных процессов как по стране, так и по отдельным ее регионам, что привело к доминированию в 2010 г. мигрантов в структуре населения. Как отмечают Топилин А. В. и Воробьева О. Д., рост представленности мигрантов в структуре населения наблюдался во всех экономических районах страны [Топилин, 2016: 34, 35].

В населении России мигранты составили чуть более половины – 51,6% или более 72, млн человек; лица, проживающие в своих населенных пунктах с рождения – 44,4% или 62,5 млн человек. Особенно сильно эти изменения произошли на селе. Так, если в городе доля мигрантов выросла до 49%, то на селе – до 59%.

Похожие тенденции наблюдались и в Башкортостане. По итогам 2010 г. доля мигрантов по республике в целом выросла до 54,3% (2,2 млн человек), в городе – до

49,6%, на селе – до 61,4%. Как видно, за межпереписной период в сельской местности республики доля мигрантов увеличилась почти вдвое. Можно предположить, что между 2002 и 2010 гг. усилились миграционные потоки в сельскую местность, как из городов, так и из сел.

В последующие годы можно было ожидать дальнейшего роста удельного веса мигрантов. Однако микроперепись 2015 г. зафиксировала их сокращение как в целом по России (до 42,2%), так и среди городского (39,2%) и сельского населения (48%). При этом общероссийские и «городские» показатели оказались ниже значений 2002 г.

По мнению исследователей, такая ситуация во многом связана с вопросами организационно-методического характера. Например, разными подходами в учете «мобильных» категорий населения (студентов и др.). Возможно, в 2002 и 2010 гг. они были переучтены, тогда как в 2015 г. – недоучтены. На итоги микропереписи 2015 г. мог повлиять и характер выборки домохозяйств [Карачурина и др., 2018: 401].

Таблица 2.

Соотношение местных уроженцев и мигрантов в населении Башкортостана (по материалам переписей 2002, 2010 гг. и микропереписи 2015 г.)

Table 2.

The ratio of local natives and migrants in the population of Bashkortostan (based on the data of the censuses of 2002, 2010 and the micro-census of 2015)

	Все население		Городское		Сельское	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%
2002 г.						
Все население, в т.ч. проживают	4 066 649	100	2 592 909	100	1 473 740	100
Непрерывно с рождения	2 517 121	61,9	1 472 906	56,8	1 044 215	70,8
Не с рождения	1 546 699	38	1 117 297	43,1	429 402	29,1
Не указали	2829	0,1	2706	0,1	123	0,1
2010 г.						
Все население, в т.ч. проживают	4 037 405	100	2 434 655	100	1 602 750	100
Непрерывно с рождения	1 757 316	43,5	1 146 945	47,1	610 371	38,1
Не с рождения	2 192 133	54,3	1 208 077	49,6	984 056	61,4
Не указали	87 956	2,2	79633	3,3	8323	0,5
2015 г.						
Все население, в т.ч. проживают	46 444	100	26 501	100	19943	100
Непрерывно с рождения	26 399	56,8	15 923	60,0	10 476	52
Не с рождения	20 042	43,2	10 575	40,0	9 467	48
Не указали	3	0,2	3	0,0	0,0	0,0

В Башкортостане результаты микропереписи 2015 г. были отличны от российских. Доля мигрантов по республике, а также в сельской местности снизилась, но не опустилась ниже значений 2002 г. и составили 43,2% и 48% соответственно. В городе же они стали меньше, чем в 2002 г.: доля мигрантов составила 40%.

Репрезентативные социологические данные по Республике Башкортостан также показывают снижение доли мигрантов в составе населения между 2007 и 2015 гг.

В течение восьми лет как в целом по республике, так и в отдельных типах поселений их доля сократилась с 42–43% до 32–33% (см. табл.3)⁵.

Согласно социологическим данным НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), в течение последнего десятилетия аналогичная динамика в соотношении мигрантов и местных уроженцев, никогда не выезжавших за пределы своего населенного пункта, наблюдалась и в целом по России. В 1998, 2008 и 2018 гг. доля мигрантов составила 49,9; 47,7; 42,9%, соответственно [Максимова, 2021].

Если рассматривать динамику общей структуры населения России и Башкортостана (без выделения городского и сельского населения), то можно увидеть, что к концу рассматриваемого периода (к 2015 г.) она сложилась в одинаковом соотношении и в стране, и в республике: примерно по 57% проживающих с рождения; по 42–43% – с определенного времени. Такое сближение показателей вероятно произошло как за счет сокращения доли мигрантов в России и их увеличения в Башкортостане.

Таблица 3.

Соотношение местных уроженцев и мигрантов в населении Башкортостана (по данным социологических исследований 2007, 2015 гг., %)

Table 3.

The ratio of local natives and migrants in the population of Bashkortostan (according to the data of sociological studies in 2007, 2015, %)

Проживают	РБ		Города		Село	
	2007	2015	2007	2015	2007	2015
Непрерывно с рождения	57,3	67,0	57,6	66,4	56,9	68,0
Не с рождения	42,7	33,0	42,4	33,6	43,1	32,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Выводы.

Таким образом, материалы переписей населения дают возможность проследить структуру населения отдельных территорий через призму миграционной подвижности населения – представленности жителей, имеющих и не имеющих миграционного опыта. Отечественными учеными данный показатель генетической структуры населения активно использовался при исследовании миграционной подвижности населения страны и отдельных ее территорий в советский и постсоветский периоды.

Проведенный анализ данных переписей по России и Башкортостану показал, что в республике в основном наблюдались те же тенденции, что и в стране – повышение миграционной подвижности населения между переписями 2002 и 2010 гг. и ее снижение между 2010 и 2015 гг. Однако это снижение в Башкортостане было не столь значительным, как в России, что приблизило республиканские показатели к общероссийским по представленности мигрантов и «немигрантов». В полной мере оценить характер изменений в генетической структуре населения страны и регионов в течение последнего десятилетия мы сможем благодаря предстоящей переписи населения.

⁵ Отличия данных микропереписи и социологического исследования 2015 г. во многом связано с разными возрастными границами выборок: при социологическом опросе опрашивалось взрослое население старше 18-ти лет.

Список литературы

- Абылкаликов С. И.* Изучение миграционных процессов в переписях населения в разных странах мира // Социально-политические и эколого-хозяйственные проблемы развития балтийского региона / отв. ред. А. И. Слинчак. – Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2015. – С. 99–106.
- Абылкаликов С. И.* Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 42–49.
- Демографическая энциклопедия* / [С. Ю. Аксенов и др.]; редкол.: гл. ред. А. А. Ткаченко и др. – М.: Энциклопедия, 2013. – 942 с. ISBN: 978-5-94802-051-8.
- Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И.* Проблемы приживаемости новоселов и методы их изучения // Известия СО АН СССР. 1965. № 5. Вып. 2.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Абылкаликов С. И.* Внутривососсийская миграция населения и новые данные микропереписи населения 2015 г. о миграционной активности россиян // Население России 2016: Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – С. 376–405.
- Максимова А. С.* Генезисная структура населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 31–37. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.3.
- Моисеенко Т. В.* Миграция населения в переписях России и СССР // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 30–37.
- Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
- Переведенцев В. И.* Миграция населения Западной Сибири. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1965. – 95 с.
- Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения. – М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 486 с.
- Топилин А. В., Воробьева О. Д., Максимова А. С., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В.* Территориальные сдвиги в размещении населения РФ в социально-экономическом развитии регионов. – М.: Креативная экономика, 2018. – 168 с.
- Этнология. Основные понятия и термины.* – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. – 184 с.
- Grigg D. B.* E. G. Ravenstein and the «laws of migration». Journal of Historical Geography. 1977. Vol. 3, No. 1. Pp. 41–54.

Сведения об авторе:

Ахметова (Хилажева) Гюльдар Фаритовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru, ПИНЦ Author ID: 185209, Scopus Author ID: 55489625300, ORCID ID: 0000-0001-9367-0246.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020; принята в печать 10.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

NATIVES AND MIGRANTS IN THE POPULATION STRUCTURE OF RUSSIA AND BASHKORTOSTAN

Guldar F. Akhmetova

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

E-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru.

For citation: Guldar F. Akhmetova. Natives and migrants in the population structure of Russia and Bashkortostan. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 86–95. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7

Abstract. Based on the data of the All-Russian population censuses of 2002 and 2010, as well as the micro-census of 2015, the author examines the dynamics of the structure of the urban and rural population of Russia and Bashkortostan in terms of the

representation of two categories of residents – local natives living in a place of permanent residence without leaving, and migrants, that is, those who live in a place since a certain time or are a local native with migration experience. A comparative analysis of the population census data revealed the following trends in the migration mobility of the population of Russia and Bashkortostan in the first decade and a half of this century. The results of the 2002 census showed the dominance of “non-migrants” in the urban and rural population both in the whole country and in Bashkortostan. They were more represented in the republic than in Russia. The intensification of migration processes in the following years led to the reverse ratio of different categories of the population in 2010 – the predominance of migrants and a decrease in the proportion of local natives living without leaving. During this period, migration flows increased not only to cities, but also to rural areas, which also affected the higher representation of rural migrants. Five years later, the 2015 micro-census data brought the population structure closer to the situation in 2002 – the dominance of local natives, which to a certain extent indicates a decrease in the migration mobility of the population. However, the results of the micro-census could also be influenced by organizational and methodological reasons related to different approaches to accounting for the most mobile categories of the population. At the same time, the decline in migration activity of the population in the period between 2010 and 2015 is also indicated by the results of representative sociological studies both in the country as a whole and in the Republic of Bashkortostan. The general trend of changes in the population structure between 2002 and 2015 is characterized by a lower representation of migrants and a greater representation of local natives in Bashkortostan compared to Russia at the beginning of the period under review and the alignment of national and all-Russian indicators by 2015. To a certain extent, this may be due to the fact that the decline in migration mobility of the population in the republic was not as intense as in the whole country. The upcoming population census will provide an opportunity to get a more complete picture of the nature of changes in the genetic structure of the population over the past decade.

Keywords: population structure, local natives, migrants, migration mobility, population censuses.

References

- Abylkalikov S. I. Izucheniye migratsionnykh protsessov v perepisyakh naseleniya v raznykh stranakh mira [Study of migration processes in population censuses in different countries of the world]. In: *Sotsial'no-politicheskiye i ekologo-khozyaystvennyye problemy razvitiya baltiyskogo regiona* [Socio-political and ecological-economic problems of the development of the Baltic region]. Ex. ed. A. I. Slinchak. Pskov: Pskov State University Publishing house, 2015. Pp. 99–106. (In Russ).
- Abylkalikov S. I. Natives of the former Soviet Union countries in contemporary Russia. *Sociological Studies*. 2016. No. 4. P. 42–49. (In Russ).
- Demograficheskaya entsiklopediya* [Demographic Encyclopedia] / [S. Yu. Aksenov et al.]; editorial board: Ch. ed. A. A. Tkachenko et al. Moscow: Encyclopedia, 2013. 942 p. ISBN: 978-5-94802-051-8. (In Russ).
- Etnologiya. Osnovnyye ponyatiya i terminy* [Ethnology. Basic concepts and terms]. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2005. 184 p. (In Russ).
- Grigg D. B. E. G. Ravenstein and the «laws of migration». *Journal of Historical Geography*. 1977. Vol. 3, No. 1. Pp. 41–54.
- Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V., Abylkalikov S. I. Vnutrirossiyskaya migratsiya naseleniya i novyye dannyye mikroperepsi naseleniya 2015 g. o migratsionnoy aktivnosti rossiiyan [Intra-Russian population migration and new data from the 2015 microcensus on the migration activity of Russians]. In: *Russia's Population in 2016: 24rd Annual Demographic Report* / Ex. ed. S.V. Zakharov; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2018. 448 pp. (In Russ).
- Maksimova A. S. Genesis structure of the population of Russia. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1, No 1. P. 30–37. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.3. (In Russ).
- Moiseenko T. V. Migratsiya naseleniya v perepisyakh Rossii i SSSR [Population migration in the censuses of Russia and the USSR]. *Voprosy statistiki*. 1997. No. 3. Pp. 30–37. (In Russ).
- Perevedentsev V. I. *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods of studying population migration]. Moscow: Nauka, 1975. 231 p. (In Russ).
- Perevedentsev V. I. *Migratsiya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Migration of the population of Western Siberia]. Novosibirsk: Publishing House “Zapadno-Sibirskoye”, 1965. 95 p. (In Russ).
- Rybakovsky L. L. *Migratsiya naseleniya* [Population migration]. Moscow: Publishing House “Yurayt”, 2019. 486 p. (In Russ).
- Topilin A. V., Vorobieva O. D., Maksimova A. S., Grebenyuk A. A., Lebedeva T. V. *Territorial changes in population distribution in the Russian Federation and socio-economic development of regions*. Moscow: Kreativnaya ekonomika, 2018. 168 p. (In Russ).
- Zayonchkovskaya Zh. A., Perevdeyentsev V. I. Problemy prizhivayemosti novoselov i metody ikh izucheniya [Problems of settling-in of new settlers and methods of their study]. *Izvestiya SO AN SSSR*. 1965. No. 5. Issue. 2. (In Russ).

Bio note:

Guldar F. Akhmetova (Khilazheva), Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

Contact information: e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru, RSCI Author ID: 185209, Scopus Author ID: 55489625300, ORCID ID: 0000-0001-9367-0246.

Received on 15.12.2020; accepted for publication on 10.02.2021.

The author has read and approved the final manuscript.